

Валерий ДУДАРЕВ

ВОЗЛЕ ЦЕРКВИ

Памяти Андрея Вознесенского

Не обновить холста!
 Не повторить эскиза!..
Пробилась через век скрижалей пустота.
Спасает лишь одно:
 в России Мона Лиза
Тебя подстережет у всякого куста.
Ни заговор-травой,
 ни музыкой вселенской
Уже не исцелит погибшая верста,
Где тишина жива
 ночной и вознесенской
Загадкой бытия
 Голгофского Креста.
Как колокол упрямы —
 стремительно и голо —
Чей голос дозвучать стремится до креста,
Где первая звезда,
 где Лермонтов и Гойя,
А утром
 до дождя
 покой и высота.

ТИФЛИС ВЕЧЕРОМ

Натюрморт

Смеркается?
 Или
В тених кипариса

Валерий Федорович Дударев родился в Москве. Работал сторожем, дворником, каменщиком, бетонщиком, столяром, архивистом, редактором, служил в армии, преподавал в школе и университете, валил лес в Якутии, скитался по стране от Москвы до Магадана. Окончил филологический факультет МПГУ (бывший им. Ленина). Публиковался в журналах «Волга», «Литературная учеба», «Нева», «Наш современник», «Юность», «East-West Review» (Великобритания), «Знаци» (Болгария), «Литературная газета», «Независимая газета», «Литературная Россия», альманахи «День поэзии», «Истоки», «Roesia» (Польша). Стихи переводились на английский, болгарский, польский языки. Валерий Дударев — автор книг стихотворений «На склоне двадцатого века» (1994), «Где растут забытые цветы» (1997), «Ветла» (2001), «Глаголица» (2004). Лауреат литературных премий им. Александра Невского, Сергея Есенина, Бориса Корнилова и др.

Блаженство дарили
Наяды Тифлиса.
Застольные дали —
Вершина свершений.
Виват, Цинандали!
Виват, Ахашени!
Вкус обрыва крутой
В неизбежности рога.
В наготе над Курой
Смята первая роза.

А выше, где бани
За грешной оливой,
Сам Пушкин в тумане —
Хмельной и счастливый!
Улыбка поэта —
 печальная милость —
Забылась,
 запелась —
 и даже приснилась.

Забывтое солнце стекает по крыше —
И кажется, ночь зеленее и выше...

* * *

Тобольская бабушка Анна
Квартплату внести не смогла.
В три дня на лекарства нежданно
Горячка рубли извела.
А к ночи надвинулись пени,
И голод,
 и холод,
 и мрак!
Неможется людям без денег
Ни сидя, ни лежа —
 никак!
Все чудится:
 РЭУ погубит!
Но чудо, всем РЭУ назло,
Сухие тобольские губы
Позвали.
 И чудо пришло!
Тобольская бабушка Анна,
Как будто сто лет впереди,
Вдохнула легко, филигранно
И руки свела на груди.
В эпоху резни и упадка
Под лекаря горькую речь

Так тихо,
 так мирно,
 так сладко
Ей выпало вдруг умереть.

К ИИСУСУ

Не прекращай!
 Пусть весело живет
В коротком сумраке
 речного пустыря,
Где дела нет камням,
 как гордо и животно
Взлетает над землей последняя заря!
Ни в маленьких садах,
 ни в речке,
 ни в просторе
Нет колыханья уст,
 нет наблюденья глаз.
Смоковнице нашлось решение простое —
Найдется и для нас сегодня же.
 Сейчас!
Дай время ощутить
 бескрайне и полетно,
Как люди на земле ни разу не смогли!
Но люди ткут холсты.
 Целебные полотна
Омоют города истерзанной земли.
Не равен часу час!
 Неровен воздух ночи!
Где луны сохранят сиянье алтарей,
Покатится валун
 и словно напроорочит
Далекие огни
 великих галерей!
Вот только бы успеть
 в безжалостном потоке
Сквозь ранний камнепад,
 сквозь первое «прости»
Случайно углядеть
 за дымкой
 на востоке
Последний ренессанс
 с Мантенья на груди!

ИЗ ПИСЕМ НЕРИМСКОМУ ДРУГУ

Росказней геройских. между прочим,
Не найдет потомок обо мне.
Коротать безжалостные ночи

Не пришлось в Афгане ли, в Чечне.
Поделюсь безжалостно и сухо:
Жил да был, ничем не рисковал;
Плел стишки и пороху не нюхал;
Не разил пехоту наповал;
Не бомбил селения украдкой.
Счастлив тем, что в этой жизни

краткой

Никого, браток, не убивал!
Сиротой Ахмедку не оставил;
Не оставил беженку вдовой.
Одногодка мой во вражьем стане
Воротился к матери — живой!
Вдруг когда его огнем скосило
И стервятник прыгал на песке —
Вдруг как раз той пули не хватило,
Что в моем покоилась рожке?
Может быть, я в том и виноватый,
Что совсем нигде не воевал,
Что свою смертельную гранату
Я в чужой колодец не бросал,
Что в полях и в звездах над рекою
Мне иные чудились пути!
Что ж...
За счастье мирное такое
Ты, браток, прости меня!

Прости...

ГУННЫ

Если творенья не пахнут степью —
Выброси их в окно!
Новые гунны родятся с целью
Выбросить все равно!
Если в рожденье твоём виноваты
Ливень,
 полынь,
 репье —
Скоро тебя подберут сарматы,
Они же дадут копье!
Ухо — к земле!
 И поверишь силе
Из-за Уральских гор!
Слышно в пургу:
 жеребца Аттиле
Вывели на простор!
Русич!
 О вещем забудь Олеге
И раздави змею!

Счастье найдешь в кочевом ночлеге!
Гибель найдешь в бою!
Зарос,
 зачах
 неба склон —
 задымлен!
Вьют канюки круги!
Нам ли с тобой дожидаться римлян —
Кровью платить долги?!
Встанем без гимна!
 Пойдем без флага!
И затрещат миры!
Наше ученье —
 Орда и Брага!
Наши дары —
 остры!
Диким поверьем, былиной станем,
Древко зажав в горсти!
Чернее кошки
 нежнее лани,
Бег
 изгнанных
 с Шелкового пути!

* * *

Ю. Г.

Мне помнить вечное во мне.
Так бродит оторопь кругами.
Не в этом сне,
 не в этой гамме,
Но в этой белой тишине,
Что хлынет новою водой,
Ликуй, предательская нота!
Душа, достигшая чего-то,
Сладка, как клевер молодой.
О, очертанье глаз Иуды!
Зеленоглазые паскуды,
Вас обвенчают зеркала,
И ветра черные этюды,
И писем тонкая зола.

* * *

Мы, поэты последнего ряда,
Допиваем прокисший абсент.

Мы — ваш Дант в дебрях рая и ада,
Вашей жизни последний момент.

Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести.
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.

Соберем семена и корни,
И путем продвигаясь зерна —
Мы роняем стихотворенья,
Словно шишки сосна.

Нам и ворон — благая примета,
И княжна — придорожная б...ь
За сто первый лесной километр
Нас положено отселять.

Мы — полынь!

Мы — Путивль!

Мы — Непрядва!

Мы — надгробий чужие цветы —
Самозванцы последнего ряда,
Прощельги последней черты.